

A man with tattoos and a woman with glasses and a green teddy bear are posing in front of a brightly lit Ferris wheel at night. The man is wearing a black t-shirt and the woman is wearing a brown off-the-shoulder sweater and blue jeans. The Ferris wheel has colorful lights and the background is dark with some other fair lights visible.

Женя
Черняк

Мой
парень
из

порно

Женя Черняк

Мой парень из порно

<https://litres.ru/74238298>

Аннотация

Лена — первокурсница-филолог, которая боится парней, прячется в книги и дорамы и давно смирилась с ролью невидимки. Её мир переворачивается, когда она узнаёт в новом соседе сверху актёра из порно, которого тайком смотрела по ночам. Марк — циничный, громкий, уверенный — становится для Лены не только источником шума и проблем, но и зеркалом, в котором она впервые видит себя. Война жалобами, селёдкой в вентиляции и отключением электричества неожиданно оборачивается сделкой: он учит её не бояться, она помогает ему снять документальный фильм о новой жизни. Смогут ли два человека из разных вселенных перестать играть роли и увидеть друг друга настоящими? И что произойдёт, когда их историю увидит весь мир?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	37
Глава 6	43
Глава 7	49
Глава 8	55
Глава 9	65
Глава 10	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Глава 1

Глава 1

Мой мир имеет форму книжного шкафа. В нём строгая иерархия: на верхней полке стоят Достоевский с Толстым, тяжёлые, как гири, они давят на фанеру, заставляя её прогибаться. Это «серьёзная жизнь». Ниже расположены любовные романы, их корешки мятлые, зачитанные до дыр. Там живут мужчины с идеальной линией челюсти и женщинами, которые всегда знают, что надеть на первое свидание. Ещё ниже, придавленная стопкой учебников по древнерусской литературе, лежит ноутбук. В нём хранится моя личная тёмная материя. Моя постыдная вселенная, о которой никто не знает.

Меня зовут Лена. Мне восемнадцать лет, и я — невидимка. Это не метафора, это диагноз, который мне поставили ещё в школе, когда одноклассники смотрели сквозь меня, как сквозь оконное стекло, а однажды, после неудачной попытки понравиться Саше Измайлову, пустили слух, что я «фригидная». Слово «фригидная» для филолога звучит как приговор. Оно означает не только холод, но и остановку жизни.

Я не возражала. Спорить с толпой всё равно что доказывать урагану, что ты не соломинка.

Сейчас я первокурсница филфака провинциального уни-

верситета. Очки мои такие огромные, что кажутся двумя иллюминаторами подводной лодки, из которых я наблюдаю за миром, не желая в нём участвовать. Волосы я подстригла сама прошлой осенью, потому что было жалко денег на парикмахера, и теперь они торчат вокруг головы неровным ореолом, будто я только что сунула пальцы в розетку и мне понравилось. Одежду я покупаю на рынке, выбирая самое бесформенное: когда на тебе висит мешок, кажется, что и тела нет, а значит, и оценивать нечего.

Мои подруги — Аня и Катя. В институтской иерархии мы занимаем нишу лишайников: вроде бы живём, но никакого влияния на экосистему не оказываем. Катя пишет стихи про смерть и верит в кармические отношения. Аня же самая продвинутая из нас. Она шарит в интернете так глубоко, что иногда находит такие вещи, которые лучше бы оставить на глубине Марианской впадины.

Мы сидим у меня в комнате. Родители уехали на дачу, и мы, как настоящие взрослые девятнадцатилетние (им) и восемнадцатилетняя (я), купили три бутылки дешёвого пива и смотрели очередную дораму. На экране ноутбука герой, у которого на лице написано «я сделан из стали и верности», наконец поцеловал героиню после двадцати серий взаимных недопониманий, дождя и случайного падения на кровать.

— Не бывает так, — вздохнула Катя, отхлебывая пиво и морщась. — У мужчин нет такой выдержки. Если он хочет, он не ждёт двадцать серий.

— Это романтика, — обиделась я. — Это идеал. Настоящая любовь — это когда тебя видят. По-настоящему. Не просто тело, а душу. А потом, когда увидят душу, можно и тело. Но сначала обязательно душа.

— Лен, ты книжный червь, — Аня лениво листала ленту в телефоне, лёжа на моём продавленном диване. — Ты ждёшь принца на белом коне, который будет читать твои мысли. А в реальности мужики — это либо абьюзеры, либо те, кто шлёт фото своих гениталий в первый час знакомства.

— Есть ещё третий вариант, — я поправила очки, чувствуя, как они сползают на кончик носа. — Никаких.

Аня хмыкнула, но промолчала. Она знала мою историю с Измайловым. Я тогда, в выпускном классе, набралась смелости, подошла к нему после тренировки (он ходил на футбол) и сказала, что у него красивая улыбка. Он засмеялся. Его друзья засмеялись. А через три дня по школе разлетелось, что Ленка из «А» класса фригидная, потому что даже не поняла, что Измайлов ей предлагал. Я не поняла. Я вообще ничего не поняла. Просто с тех пор я решила, что если меня не видно, то и сделать мне больно нельзя.

— Слушайте, — голос Ани вдруг изменился. Из сонного стал напряжённо-внимательным. Она села на диване, поджав под себя ноги, и уставилась в экран телефона с таким выражением, будто только что нашла доказательство заговора рептилоидов.

— Что там? — спросила Катя.

— Тихо. Я зависла в одном месте... Это же... блин, не может быть.

Аня будто детектив-самоучка. Она может по аватарке в «ВК» вычислить номер телефона, адрес прописки и тайную девушку твоего парня за три минуты. Сейчас её лицо выражало смесь ужаса и восторга первооткрывателя.

— Помните того чувака, который на прошлой неделе заехал в квартиру над Ленкой?

Я помнила. Мы все помнили. Это событие потрясло основы нашего тихого бытия, как если бы в аквариум с золотыми рыбками бросили акулу.

Неделю назад в нашем подъезде появился ОН. Я видела его мельком, когда возвращалась из универса с двумя пакетами картошки. Он стоял на лестничной клетке третьего этажа, разговаривая с кем-то по телефону. Голос был низкий, гулкий, он отражался от бетонных стен и заставлял мои внутренности сжиматься в тугой узел.

Высокий. Накачанный, насколько можно судить под свободной футболкой. Татуировки обвивали его предплечья, как морские змеи. На лице модная небритость, которая у нас, филологов, называется «щетиной», а в учебниках по семиотике — «маркером маскулинности». В общем, он выглядел так, будто его скинули с обложки глянцевого журнала прямо в наш прокуренный подъезд с пахнущей котами лестничной клеткой.

Аня прозвала его «Инопланетянин». Потому что в нашем

мире, состоящем из студентов-филологов в вязаных свитерах и пенсионерок с авоськами, он был физически невозможен. По ночам из-под потолка доносилась музыка. Не наша — не «Кино» и не «Сплин», а что-то низкочастотное, пульсирующее, от чего у меня на полке начинала мелко дрожать статуэтка гипсового Пушкина.

— Ну, помню, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно. — И что?

— А то, — Аня поднесла телефон к самому моему носу, загораживая экраном даже очки. — Это он.

Я не сразу поняла, что вижу. Сначала я увидела интерфейс знакомого сайта. Того самого, который я открываю в режиме инкогнито, когда родители засыпают, а дорамы надоели. Того самого, где я чувствую себя одновременно мерзко и... не так одиноко.

На экране было стоп-кадр. Мужчина. Очень знакомый мужчина. Татуировки, те самые змеи на предплечьях, только без футболки. И лицо. Скуластое, с насмешливым прищуром, которое я уже начала изучать в деталях за последние полгода, чтобы потом, закрывая глаза, представлять себе идеального героя, который видит душу. Но здесь, на этом сайте, душа виделась в последнюю очередь.

— Это же наш сосед! — выдохнула Аня. — Я узнала тату. Ленка, смотри! Это же Марк! Он снимает квартиру над тобой! Господи, он же порноактёр!

Катя охнула и закрыла лицо руками, но щель между паль-

цами оставила приличную, чтобы продолжать смотреть.

Я смотрела. Мир вокруг меня начал распадаться на атомы. Книжный шкаф, дорама на паузе, дешёвое пиво — всё это стало неважным. Потому что в телефоне Ани был ОН. Тот самый мужчина, которого я смотрела в шести сериях, когда никто не видел. Тот, чьё тело я изучала с научным любопытством, прикрывая ладонью экран, если слышала шаги мамы в коридоре.

Палец Ани скользнул по экрану, и картинка ожила. Светлая комната. Только он и... какая-то полуголая баба. Они о чём-то разговаривают на английском, потом улыбаются, потом... она стягивает с него трусы. А там! Член размером с запечатанный багет колбасы. Хоть мы и были девственницами, и в глаза не видели настоящее мужское достоинство, но габариты оценили все и сразу. Не обязательно быть специалистом в анатомии, чтобы понимать, что «прибор» у него серьёзный.

Аня присвистнула, Катя ахнула, а я... я не могла оторвать взгляд от того, что происходило на экране.

— Такой батон он носит в своих штанах! — первой не выдержала Катя, улыбаясь во весь рот.

— Бедная девушка. Сейчас она должна поместить в себя всё его богатство, — поддержала Аня. — Но думаю, ей не привыкать. Там они и не такое в себя запихивали.

— Думаешь, ей будет больно?

— Всё зависит от смазки, — всерьёз принялась рассуж-

дать Аня, как будто они говорили о каких-то насущных делах. — Сейчас посмотрим.

Мне стало жарко. Потом холодно. Потом очень, очень стыдно.

— Убери, — прошептала я.

— Ты чего? — Аня удивлённо посмотрела на меня. — Это же сенсация! Над тобой живёт порнозвезда! Надо же... я не знаю... записать показания?

— Убери, я сказала.

Мой голос прозвучал так, будто скрипнула дверь в склепе. Аня пожалала плечами и убрала телефон, но осадок остался. Точнее, не осадок. Осадок — это что-то мелкое и незначительное. Во мне разверзлась тектоническая трещина.

Я врала им. Всё это время я врала.

Я говорила, что жду идеальную любовь, как в дорамах, где всё целомудренно и возвышенно. Но по ночам, когда даже Пушкин на полке, казалось, осуждающе смотрит мне в затылок, я залезала на сайты, где не было никакой души. Где была только физика. Грубая, честная, животная физика.

И среди тысяч актёров, чьи лица сливались в одно сплошное мясо, я запомнила его. Не только тело. Лицо. У него в кадре иногда было странное выражение, как будто он видит не партнёршу, а что-то за кадром. Как будто он играет одну роль, а думает о другой. Это выражение я и пыталась расшифровать как филолог, разбирая текст по косточкам.

Я стыдилась этого. Стыдилась настолько, что, наверное,

если бы кто-то узнал, я бы провалилась сквозь землю прямо в подвал с трубами.

— Лен, ты красная, как помидор, — заметила Катя. — Ты что, знаешь его?

— Нет, — соврала я. — Просто душно.

Я открыла окно. В лицо пахнуло сыростью начинающейся осени. Сверху, из квартиры Марка, всё ещё доносилась приглушённая музыка. Басы пульсировали в такт моему сердцу, которое, кажется, решило устроить забег на стометровку.

Глава 2

История любит иронию. Это я знаю из книг. Судьба никогда не даёт тебе то, что ты просишь. Она даёт тебе то, что ты заслуживаешь, но в самый неподходящий момент и в самой неудобной упаковке.

На следующее утро мама отправила меня в магазин за хлебом и, как всегда, добавила к списку что-то тяжёлое. На этот раз — три килограмма картошки и две двухлитровки молока. Сумка оттягивала плечо, впиваясь пластиковыми ручками в ладонь, и я проклинала всё на свете: свою невидимость, свою фригидность по слухам, свою дурацкую жизнь, в которой единственный мужчина, который вызвал у меня хоть какие-то чувства, оказался порноактёром, живущим надо мной.

Я зашла в подъезд. Свет в подъезде, как обычно, моргал, создавая эффект дешёвого фильма ужасов. Лифт у нас старый, кабинный, с зеркалом в трещинах, которое множит отражение до бесконечности, делая тебя ещё более ничтожной в каждом новом слое.

Я нажала кнопку вызова. Лифт, повинаясь законам жанра, не спешил. Он всегда не спешит, когда у тебя заняты руки, когда ты похожа на выучную лошадь и очки сползли на самый кончик носа.

— Чёрт, — прошипела я, перехватывая сумку, чтобы по-

править очки.

И тут двери лифта открылись.

Внутри стоял он.

Марк. Инопланетянин. Мой тайный... даже не знаю, как это назвать. «Кумир» — слишком возвышенно. «Объект вожделения» — слишком по-медицински. «Мужчина из моих постыдных снов» — слишком откровенно, даже для мыслей.

Вблизи он оказался ещё больше. Кабина лифта, и без того тесная, сжалась до размеров спичечного коробка. От него пахло чем-то древесным, дорогим и совершенно чуждым нашей серой реальности. На нём была простая чёрная футболка, которая облегала его плечи так, словно была нарисована. Татуировки, те самые, которые я видела на экране в режиме инкогнито, сейчас были у меня перед глазами в высоком разрешении реальности.

Я застыла. Мои руки, занятые сумкой, начали подозрительно дрожать. Картошка, почувствовав мою слабость, резко потяжелела.

— Заходите, — сказал он.

Голос. Тот самый голос, который я слышала в наушниках, когда он произносил там такие слова, от которых мои щёки загорались даже в темноте комнаты. Сейчас он звучал спокойно, обыденно, как будто он приглашал соседку на чай, а не занимался... ну, вы поняли.

Я зашла. Потому что если бы я не зашла, мне пришлось бы объяснять, почему я, девушка с двумя сумками продук-

тов, предпочла тащиться пешком на четвёртый этаж. А объяснять я ничего не могла. Язык прилип к нёбу.

Двери закрылись. Лифт дёрнулся и пополз вверх. Мы стояли в полуметре друг от друга. Я чувствовала жар, исходящий от его тела, и ненавидела себя за то, что замечаю это.

А потом случилось то, что случается в плохо написанных романах, но никогда в жизни. Он посмотрел на меня. Не сквозь, как все. А именно на меня. В упор. Его глаза оказались серыми, с тёмным ободком, и в них не было ни осуждения, ни жалости, ни насмешки, к которым я привыкла. В них было... любопытство.

— Классные кеды, — вдруг сказал он. — Ретро.

Я опустила глаза. На мне были мои старые кеды, купленные на распродаже три года назад, грязно-белые, с подтёками краски, которой я красила стенд для конференции. Они были уродскими. Они были ужасными. Но он сказал «классные». Не «милые», не «симпатичные», а «классные».

— Спасибо, — выдавила я. Голос прозвучал как писк комара, попавшего в банку.

Сумка снова дёрнулась вниз. Я дёрнула её вверх, но пластиковые ручки, замученные тяжестью молока, начали медленно и неумолимо растягиваться, словно решили покончить жизнь самоубийством именно в этот момент.

— Давайте помогу.

Это не был вопрос. Он просто протянул руку и перехватил сумку. Его пальцы на мгновение коснулись моих, и я почув-

ствовала, как током ударило от кончиков пальцев до самого затылка. Это было не электричество статического напряжения, нет. Это было что-то из области физики элементарных частиц, столкновение двух материй, которое высвобождает колоссальную энергию.

— Какой этаж? — спросил он, поднимая сумку с лёгкостью, будто в ней были перья.

— Четвёртый, — пискнула я.

— А я на пятом. Соседи, значит.

Он улыбнулся. Улыбка была открытой, без тени той хищной усмешки, которая иногда мелькала в кадрах. И от этой улыбки мир вокруг снова начал рассыпаться, но уже по-другому. Не как от стыда, а как от невозможности.

Лифт остановился. Двери открылись. Я вышла в коридор, и он вышел следом, поставив сумку прямо у моей двери.

— Спасибо, — сказала я, глядя в пол, в свои уродские, но вдруг ставшие «классными» кеды.

— Не за что, — он уже повернулся, чтобы идти на лестницу. Но потом замер, обернулся и снова посмотрел на меня. Тем же взглядом, в упор, мимо очков, мимо нелепой стрижки, мимо мешковатой кофты, на мне висевшей.

— Я Марк, кстати.

— Лена, — выдохнула я.

— Приятно познакомиться, Лена.

Он кивнул и исчез за поворотом лестницы. Я слышала его шаги, тяжёлые, уверенные, которые поднимались всё выше

и выше, к его квартире, откуда по ночам играла музыка. А я стояла перед своей дверью, прижимая к груди ключи, которые так и не смогла вставить в замочную скважину, потому что пальцы дрожали.

Он видел меня. Он сказал, что у меня классные кеды. Он помог донести сумку.

В моём шкафу рушились все полки. Достоевский падал на любовные романы, любовные романы сползали на ноутбук, а в ноутбуке была его история, которую я знала наизусть, но которая теперь не имела никакого смысла. Потому что теории о невероятности встреч разбиваются о практику лифтов в провинциальных многоэтажках.

Я, девушка, которая боится парней так сильно, что стала невидимкой, только что впустила в своё пространство мужчину, чью профессию я даже мысленно не могу назвать без чувства, будто я совершаю преступление против всех канонов высокой литературы. И хуже всего было то, что, закрыв за собой дверь, я прислонилась к ней спиной, сползла на корточки, сняла очки и прошептала в пустоту:

— Он существует.

Он существовал не только на экране, в мире пикселей и моего одиночества. Он существовал здесь, в моём подъезде, с настоящей улыбкой и настоящей силой в руках. И он назвал мои кеды классными.

Я не знала тогда, что это было началом конца моей теории идеальной любви. Или, может быть, её самым странным

воплощением.

Сверху, из квартиры номер пять, снова заиграла музыка. Басы мягко проникли сквозь бетонное перекрытие, и мне показалось, или в этот раз она звучала тише, чем обычно. Словно он сделал музыку потише, потому что теперь знал: под ним живёт девушка с хорошими кедами.

Я сидела на полу в коридоре, сжимая в руках очки, и чувствовала, как внутри меня, в том месте, где последние три года была только мёрзлая пустота, начало медленно оттаивать что-то живое. Опасное. Настоящее.

«В дорамах, — подумала я, глядя на гипсового Пушкина, который по-прежнему осуждающе смотрел на меня с полки, — после такого обычно начинается вторая серия. Где героиня падает в обморок или случайно встречает героя в прачечной. Но в моём сценарии, Пушкин, в моём сценарии всё будет иначе. Потому что я не героиня дорамы. Я филолог. А мой возможный парень — порноактёр. И это либо самая глупая ошибка в моей жизни, либо...»

Я не додумала. Потому что в голову пришла мысль, от которой мне стало страшно и смешно одновременно. Либо это единственная правда, которую я когда-либо себе позволяла.

Я встала с пола, сняла кеды и поставила их на самое видное место в прихожей. Классные кеды. Ретро.

С этого момента моя жизнь перестала быть учебником по древнерусской литературе. Она стала черновиком. И я понятия не имела, какое слово напишу следующим.

Глава 3

Влюбиться за одну минуту в лифте — это не романтика. Это диагноз. Я, как филолог, знаю: в греческом языке есть слово «атараксия» — невозмутимость, высшая цель мудреца. Так вот, в тот вечер моя атараксия дала трещину, и в неё хлынула лава, которую я считала давно остывшей.

Я влюбилась. Не постепенно, как учат в книгах про правильные чувства. Не через совместное чтение стихов или прогулки под дождём. Я влюбилась со скоростью падающего лифта, когда тросы оборваны, а внизу нет натянутой сетки.

На следующее утро я проснулась с единственной мыслью: «Он назвал мои кеды классными». Я повторяла эту фразу, как мантру, чистя зубы. Я прокручивала её в голове, нарезаая хлеб к завтраку. Мама спросила, почему я улыбаюсь, как дурочка. Я ответила, что мне приснился хороший сон.

Сон был явью, и это пугало.

В универ я пришла за час до первой пары. Аня и Катя уже сидели на подоконнике в коридоре, попивая кофе из картонных стаканчиков. Увидев меня, Аня прищурилась с видом следователя по особо важным делам.

— Ты светишься, — сказала она. — Это опасно. Светящиеся люди привлекают внимание хищников.

— Я? — я попыталась принять невозмутимый вид, но щёки уже предательски горели. — Просто выпалась.

— Ты никогда не высыпаешься, — резонно заметила Катя. — Ты читаешь до трёх ночи. Что случилось?

Я молчала целых три секунды. Это был рекорд сдержанности.

— Он заговорил со мной, — выпалила я. — В лифте. Сказал, что у меня классные кеды. Помог донести сумку. Представился. Его и правда зовут Марк.

Аня поперхнулась кофе. Катя перестала жевать свой безвкусный рисовый батончик, который она ела для «очищения кармы».

— Марк? — переспросила Аня, хотя отлично поняла. — Тот самый Марк? Порно... ну, ты поняла?

Я кивнула. Кивок вышел судорожным, как у китайского болванчика на приборной панели.

— И ты не умерла? — уточнила Катя. — Не упала в обморок? Не сказала ничего про... ну... его работы?

— Я сказала, что меня зовут Лена, — отчеканила я. — И поблагодарила за помощь. Всё. Я была вежлива. Я была нормальной.

— Ты была нормальной рядом с мужиком, которого смотрела в... — Аня оглянулась по сторонам и перешла на шёпот, — ...в интимных сценах? Лена, это прогресс! Это прорыв! Это как если бы овца не убежала от волка, а спросила у него, не хочет ли он чаю.

— Он не волк, — возразила я, и в моём голосе прозвучала такая горячность, что даже я сама удивилась.

Катя и Аня переглянулись. В этом взгляде читалось всё: от «подруга поплыла» до «надо срочно её откачивать».

— Лен, — Аня взяла меня за руку. Голос её стал мягким, каким она разговаривает с бездомными котами. — Я понимаю. Высокий, татуированный, помог с сумкой. Это база. Но давай включим голову. Ты боишься парней. Серьёзно боишься. А тут мужик, чья работа —... ну, ты понимаешь. Это же не просто парень. Это парень, который...

— Который что? — я высвободила руку. — Который зарабатывает на жизнь тем, что делает то, о чём другие только мечтают? Или тем, что осмеливается быть собой, в отличие от нас, которые прячемся за книжками и делаем вид, что нам ничего не нужно?

В коридоре повисла тишина. Даже Катя, которая обычно реагирует на всё с задержкой в три секунды, замерла с открытым ртом.

— Ого, — сказала Аня. — Это говорит та девушка, которая три года не могла сказать парню «привет»?

— Та девушка умерла в лифте, — ответила я. — Её убили кедами.

Это была неправда, конечно. Я не умерла. Я, наоборот, родилась заново. И это новое рождение имело один побочный эффект, о котором я не сказала подругам: я стала одержимой.

Итак, я начала прислушиваться к потолку. Раньше музыка сверху была просто фоном, раздражающим фактором, по-

мехой для чтения. Теперь каждый бас, каждая вибрация отдавалась у меня в грудной клетке, и я пыталась угадать его настроение по ритму. Громкий, агрессивный бит — он злой. Медленный, тягучий — задумчивый. Тишина — спит или ушёл.

Я начала выходить в магазин по три раза на дню, надеясь снова столкнуться с ним в подъезде. Я покупала хлеб, который мы не съедали, молоко, которое скисало, и мама уже начала подозревать у меня булимию.

— Лена, ты ешь на улице? — строго спросила она, выбирая очередную засохшую буханку.

— Нет, я... кормлю голубей, — нашла я.

Голуби под окном, надо отдать им должное, за неделю разжирили до состояния небольших индюков.

Но Марк словно исчез. Я слышала его музыку, чувствовала его присутствие сквозь бетон, но видеть не видела. Моя влюблённость, лишённая подпитки, начала превращаться в лихорадку.

Я перестала есть нормально, заменив пищу чтением любовных романов в ускоренном режиме. Я дочитывала по две книги за ночь, и в каждой герой был похож на него — широкие плечи, татуировки, снисходительная улыбка. Но в конце каждой книги герой неизменно оказывался принцем, а героиня принцессой, и у них было красивое будущее без единой пиксельной съёмки.

Я начала писать. Сначала просто заметки на полях кон-

спектов по античной литературе. Потом полноценные тексты. Я описывала его. Его руки, его голос, его глаза, которые видели меня. Я вписывала его в сюжеты, которые знала наизусть. Он был Реттом Батлером, который не уходил, а оставался. Он был мистером Дарси, который выходил из озера не в мокрой рубашке, а с сумкой картошки. Моя реальность и мои фантазии сливались в один вязкий, сладкий сироп, и я перестала понимать, где кончается дорама и начинается моя жизнь.

А потом, на десятый день, случилось то, что должно было случиться. Закон подлости, он же закон сообщающихся сосудов. Это если в одном сосуде (моя голова) уровень безумия поднимается слишком высоко, он обязательно перельётся в соседний (реальность).

Я возвращалась из универа, уставшая после семинара по славянской мифологии, на котором мы три часа спорили, был ли домовый добрым или злым духом. Я пришла к выводу, что домовый — это метафора невротической привязанности к месту, и преподаватель поставил мне пятёрку за «свежий взгляд».

Настроение было приподнятым. Я поднималась по лестнице пешком (лифт снова сломался, и это было символично), и на площадке между третьим и четвёртым этажом я увидела его.

Марк сидел на подоконнике. Не на моём, на том, что у окна, выходящего во двор. Он держал в руке телефон и что-

то читал, хмурясь. На нём была толстовка с капюшоном, накинута на голову, и в этом образе он напоминал не порноактёра, а уставшего киберспортсмена после проигранного турнира.

Я замерла. Моё сердце, это глупое создание, пропустило три удара, а потом пустилось в галоп, чтобы догнать упущенное.

Он поднял голову. Увидел меня. И его лицо... изменилось. Хмурость исчезла, сменившись той самой открытой, тёплой улыбкой, которая в лифте сбила меня с ног.

— Лена, — сказал он, и моё имя в его исполнении прозвучало как название забытого, но очень красивого стихотворения. — С кедами?

— Они дома, — выдавила я, кивая на свои дурацкие осенние ботинки, купленные мамой на рынке. — Сегодня сыро.

— Жаль, — он убрал телефон в карман. — Они тебе идут. Придают... характер.

Я покраснела. Я чувствовала, как краска заливает шею, поднимается к щекам, добирается до корней волос. Я стояла на лестнице, похожая на светофор, который загорелся всеми цветами сразу.

— Ты чего такая красная? — спросил он, и в голосе прозвучало искреннее недоумение. — Не стесняйся. Мы же соседи.

— Я не стесняюсь, — соврала я. — Просто... жарко. В подъезде натоплено.

Он кивнул, принимая эту очевидную ложь, и вдруг спросил:

— Слушай, а тебе не мешает музыка по ночам?

Вопрос застал меня врасплох. Три недели я слушала эти басы, пробивающие потолок, и собиралась с духом, чтобы написать заявление участковому или хотя бы записку под дверь. Но теперь, когда он спросил сам, все мои претензии рассыпались, как карточный домик.

— Нет, — сказала я. — То есть... иногда громковато. Но я привыкла.

— Привыкла? — он усмехнулся, и в этой усмешке не было насмешки, только усталость. — Ты первая, кто говорит, что привык. Обычно соседи пишут жалобы. Ты не пишешь?

— Я филолог, — ответила я, сама не понимая, какое отношение это имеет к жалобам. — Я верю в силу слова. Если я напишу жалобу, это будет означать, что я сдалась. А я... я просто надеюсь, что однажды ты сам сделаешь тише.

Он посмотрел на меня долгим, странным взглядом. В серых глазах мелькнуло что-то, похожее на удивление, смешанное с... нежностью? Нет, не нежность. С признанием во мне чего-то, чего он не ожидал увидеть.

— А ты смешная, — сказал он. — Ладно, уговорила. Сегодня сделаю потише.

Он встал с подоконника и протянул руку. Я не сразу поняла, что он хочет помочь мне подняться по последнему пролёту. Моя рука легла в его ладонь сама собой, без команды из

мозга. Его пальцы сомкнулись вокруг моей кисти, и я снова почувствовала тот самый разряд — столкновение двух материй, которое меняет атомную структуру всего сущего.

— Спасибо, — сказала я, когда мы оказались на моей площадке.

— Не за что, соседка, — он отпустил мою руку и пошёл наверх, к себе. На полпути обернулся: — Спокойной ночи, Лена.

— Спокойной ночи, Марк.

Я вошла в квартиру, закрыла дверь и прислонилась к косяку лбом. Моя рука, та, которую он держал, всё ещё горела.

— Ты идиотка, — прошептала я себе. — Ты полная идиотка. Он порноактёр. У него, наверное, десятки женщин. Ты для него просто смешная девочка с кедами.

Но внутри, там, где жила та самая лава, кто-то радостно кричал: «Он держал тебя за руку! Он назвал тебя смешной! Он обещал сделать музыку тише! Это любовь!»

Я решила, что это и правда любовь. Я решила, что сказка возможна. Я решила, что мы будем встречаться. Он бросит свою сомнительную карьеру, мы будем пить чай на кухне, и он будет читать мои курсовые по Достоевскому, а я буду рассматривать его татуировки, и это будет прекрасно.

Наивность имеет свойство взрываться в самый неподходящий момент. Как петарда, которую сунули в карман и забыли.

Глава 4

На следующее утро я проснулась от тишины. Сверху не доносилось ни звука. Марк сдержал обещание — музыки не было. Я пролежала в кровати десять минут, улыбаясь в потолок, и чувствовала себя героиней романа, в котором наконец наступила светлая полоса.

Родители на кухне пили кофе. Папа читал газету, мама перебирала крупу. Всё было обычно, предсказуемо, скучно. Моя комната, мой шкаф с книгами, мой гипсовый Пушкин — всё это было моей крепостью, в которой я пряталась от мира. И вдруг я поняла, что хочу из неё выйти. Не совсем, но... выглянуть. Посмотреть, есть ли жизнь за стенами.

— Мам, пап, — сказала я, выходя на кухню. — У вас на выходных какие планы?

— Мы с отцом хотели на дачу съездить, — ответила мама, не поднимая головы. — Картошку пора копать. А что?

— Ничего, — слишком быстро сказала я. — Просто спросила.

Они уехали в пятницу вечером. Я осталась одна. Впервые за долгое время я была полновластной хозяйкой своей жизни. Я могла слушать музыку на полную громкость, читать до утра, не выключая свет, и, самое главное, я могла привести подруг, чтобы смотреть фильм, не опасаясь, что мама зайдёт в комнату с вопросом: «А это что вы смотрите?»

Я позвонила Ане и Кате.

— Приходите завтра вечером, — сказала я. — Родителей нет. Устроим киномарафон.

— О, — протянула Аня. — А наш сосед сверху? Не будет мешать?

— Он обещал сделать тише, — я почувствовала, как к щекам приливает тепло. — Мы вчера с ним разговаривали. Он нормальный. Он... хороший.

— Ты влюблена, — констатировала Катя с другого телефона. — Это клинический случай. Мы приедем с диагностикой.

Они приехали в субботу в шесть вечера. С собой у них были пицца, чипсы, три литра колы и ноутбук Ани, в котором, по её словам, «было всё кино мира».

— Для начала — романтическая комедия, — объявила Аня, распаковывая пиццу. — Классика жанра. Чтобы разогреть сердечко нашей Лене.

— Не надо мне разогревать, — буркнула я, но села на диван, поджав под себя ноги. — У меня и так температура.

Мы включили фильм. Какой-то голливудский штамп, где красивые люди встречались, ссорились, мирились и в финале целовались под дождём. Я смотрела в экран, но думала о другом. О том, что Марк сейчас наверху. Один или с кем-то? Что он делает? Читает? Смотрит сериал? Может быть, тоже ест пиццу?

— Лена, ты не смотришь, — заметила Катя. — Ты зависла.

— Смотрю, — отмахнулась я. — Просто... задумалась.

— О ком? — Аня ухмыльнулась. — О том, кто живёт над тобой?

— О том, кто живёт надо мной, — призналась я. — Мне кажется, я схожу с ума. Я постоянно о нём думаю. Я даже начала писать...

Я осеклась, но было поздно.

— Писать? — Аня подалась вперёд. — Что писать?

— Ничего, — я закрыла лицо руками. — Глупости. Рассказы. Про... ну, про нас. Про то, как мы могли бы быть вместе. Про то, как он видит во мне не просто... а душу. Всё, как в книгах.

— Ох, Лена, — Катя вздохнула. — Ты опять строишь воздушные замки. А если он не такой? Если он просто... ну, знаешь... обычный мужик, который хочет одного?

— Он не обычный, — упрямо сказала я. — Он смотрел на меня по-настоящему. Он сказал, что у меня характер. Он держал меня за руку.

— Он помог тебе подняться по лестнице, — уточнила Аня. — Это вежливость, а не любовь. Лен, я не хочу тебя расстраивать, но давай смотреть правде в глаза. Ты — девочка из провинциального вуза, которая боится парней. Он — мужчина, чья жизнь — это... ну, ты поняла. Это разные миры.

— Миры пересекаются, — сказала я. — Если есть чувства, всё возможно.

Аня открыла рот, чтобы возразить, но почему-то лишь зевнула. В этот момент сверху раздался звук. Сначала глухой удар, будто кто-то уронил штангу. Потом второй. Потом — музыка. Не та, что обычно. Не басы и не ритмы. А что-то тяжёлое, агрессивное, с гитарным перебором, который вибрировал в стенах.

— Он обещал тише, — пробормотала я.

— Обещал? — Аня подняла бровь. — И ты поверила?

Музыка становилась громче. К ней добавились голоса. Мужские, женские. Крики, смех. Кто-то топал, будто танцевал чечётку на бетонном полу.

— Это вечеринка, — сказала Катя, прислушиваясь. — У него вечеринка.

— Да какого ж чёрта?! — Я резко встала с дивана. — Сейчас я поднимусь и попрошу сделать потише. Он поймёт. Он нормальный.

— Лена, не ходи, — Аня схватила меня за руку. — Ты не знаешь, кто там. Ты не знаешь, в каком он состоянии. Вдруг он пьяный?

— Он не пьяный, — отрезала я, хотя понятия не имела, пьяный он или трезвый. — Я просто скажу. Вежливо. Как соседка.

Я вышла в коридор, надела кеды (те самые, ретро) и поднялась на один этаж. Сердце колотилось где-то в горле. Я подошла к его двери. Из-за неё доносился такой грохот, что, казалось, стены дрожат в такт басам.

Я подняла руку, чтобы постучать, но дверь была приоткрыта. Не заперта. Я толкнула её, и она отворилась, открывая мне вид на квартиру, которая была зеркальным отражением нашей, но... другой.

У нас всегда тихо, чисто, пахнет борщом и книгами. У него же дым, громкая музыка, разбросанная одежда, пустые бутылки на столе. В центре комнаты, там, где у нас стоит обеденный стол, у него был диван, и на этом диване сидели люди. Девушки в коротких топах, с ярким макияжем, полулежали на парнях в модных толстовках. Кто-то курил прямо в комнате, и дым поднимался к потолку и закручивался в спирали.

И среди них был Марк.

Он стоял у окна, держа в руке бутылку пива. Футболка на нём была расстёгнута, татуировки поблёскивали в полумраке. Рядом с ним сидела девушка, высокая, с длинными волосами, в коротких шортах, которые, казалось, были нарисованы на её теле. Она что-то говорила ему на ухо, и он улыбался. Не той открытой улыбкой, что в лифте, а ленивой, расслабленной, полупьяной.

Я застыла в дверях. Все мои слова, все заготовленные вежливые фразы про «сделайте потише, пожалуйста» вылетели из головы. Я смотрела на него, на девушку рядом, на этот чужой, громкий, яркий мир, в котором мне не было места.

— О, — сказал кто-то из гостей, заметив меня. — А это кто?

Марк обернулся. Увидел меня. В его глазах сначала мелькнуло удивление, потом узнавание, а потом... усмешка. Не злая, не насмешливая, а та самая — снисходительная, расслабленная, как у взрослого, который смотрит на ребёнка, пришедшего с жалобой на несправедливость мира.

— Лена, — сказал он, и моё имя прозвучало уже не как красивое стихотворение, а как шутка. — Соседка снизу. Пришла на шум?

Я не могла говорить. Язык прилип к нёбу. Я стояла в дверях, в своих мешковатых джинсах, в огромном свитере, с очками, которые опять сползли на нос, и чувствовала себя так, будто пришла на чужой праздник в пижаме.

— Давай, заходи, — он сделал жест рукой, приглашая. — Расслабься. Выпей чего-нибудь. Ты слишком напряжена.

Девушка в коротких шортах посмотрела на меня с откровенным любопытством, как на экспонат в музее.

— Милая, — сказала она, оценивающе оглядывая мой свитер. — Ретро?

Кто-то засмеялся. Смех был незлым, но мне показалось, что он обжигает лицо, как кислота.

— Я... я просто хотела попросить... — начала я, но голос сорвался.

— Что попросить? — Марк отставил бутылку и сделал шаг ко мне. — Тишины? Лена, уже одиннадцать. Всё нормально. Ты слишком много думаешь. Просто расслабься. Останься. Посмотри, как отдыхают нормальные люди.

Он протянул мне руку. Ту самую, которая неделю назад помогла мне подняться по лестнице. Теперь она казалась мне рукой человека с другой планеты, где не было книг, тишины и любви, построенной на разговорах о душе.

— Нет, — сказала я. Голос прозвучал тонко, как струна, которая вот-вот лопнет. — Спасибо. Я... я пойду.

Я развернулась и побежала. Вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Влетела в свою квартиру, захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, тяжело дыша.

— Лена? — Аня и Катя стояли в коридоре, глядя на меня с тревогой. — Что случилось? Ты вся красная.

— Ничего, — выдохнула я. — Всё нормально.

— Ты плачешь? — спросила Катя.

Я поднесла руку к лицу. Щёки были мокрыми. Я не заметила, когда начались слёзы. Наверное, когда он сказал «расслабься». Или когда девушка назвала меня «милой». Или когда я увидела его улыбку, обращённую не ко мне.

— Он... там вечеринка, — сказала я. — Девушки. Много девушек. Он предложил мне остаться. Сказал, что я слишком напряжена.

Аня обняла меня. Катя встала рядом, положив голову мне на плечо.

— Я говорила, — тихо сказала Аня. — Разные миры.

— Нет, — я вытерла слёзы. — Не разные. Просто... я не вписалась. Я пришла в своём свитере, а там... там всё по-другому. Я не умею так. Я не умею расслабляться. Я умею

только читать книги и ждать принца.

— И в чём проблема? — спросила Катя.

— В том, — я посмотрела на неё, чувствуя, как внутри поднимается злость, — что принц не ждёт. Принц вечеринку устраивает. Принц говорит «расслабься». Принц смотрит на меня как на забавного зверька, которого можно погладить и отпустить.

— Может, он просто не твой принц? — осторожно предположила Аня.

Я закрыла глаза. Перед глазами стояла его улыбка, но не та, тёплая, а та, полупьяная, снисходительная. И девушка в шортах, которая назвала мой свитер «ретро».

— Не мой, — сказала я. — Наверное.

Но даже когда я это говорила, я знала, что это неправда. Потому что сказка, в которую я поверила, не хотела отпустить. Она вцепилась в меня мёртвой хваткой, и я не знала, как вырваться.

Наверху музыка стихла. На несколько секунд воцарилась тишина. А потом я услышала шаги. Тяжёлые, мужские, спускающиеся по лестнице. Шаги остановились у моей двери.

Я замерла.

Три удара. Коротких, уверенных.

— Лена, — его голос из-за двери звучал глухо, но я разобрала каждое слово. — Ты обиделась? Не обижайся. Я не хотел тебя напугать. Просто... это моя жизнь. Если хочешь, приходи в другой раз. Без свитера. В тех кедах.

Аня и Катя смотрели на меня. Я смотрела на дверь.

— Скажи ему что-нибудь, — прошептала Катя.

Я открыла рот, но снова не смогла произнести ни слова.

Внутри меня боролись две силы: одна хотела открыть дверь, броситься к нему и сказать, что я всё понимаю, что я не осуждаю, что я просто... просто хочу, чтобы он видел меня. Другая сила, старшая и более опытная, шептала: «Не открывай. Ты уже сделала больно. Не делай ещё больше».

Я промолчала.

За дверью послышался вздох. Потом шаги стали удаляться, подниматься обратно.

— Лена, — Аня взяла меня за руку. — Ты как?

— Я как героиня романа, — сказала я, глядя на гипсового Пушкина, который, казалось, смотрел на меня с укоризной. — В которой автор решил написать не хэппи-энд, а честную книгу.

— И что ты будешь делать? — спросила Катя.

Я посмотрела на дверь, за которой минуту назад стоял мужчина, которого я успела полюбить так быстро и так глупо, как только можно полюбить в восемнадцать лет.

— Не знаю, — сказала я. — Наверное, пойду читать. Там, в книгах, всегда понятно, что делать. В жизни — нет.

Я подошла к шкафу, взяла первую попавшуюся книгу, открыла её на середине и уставилась в текст, не видя ни одной буквы.

Сверху снова заиграла музыка. Та же самая, тяжёлая,

агрессивная. Басы пульсировали в потолке, отдаваясь в моём позвоночнике.

Он не сделал тише. Он даже не попробовал.

И в этом, наверное, была самая страшная правда: в его мире не было места для тишины. А в моём не было места для такого шума.

Но почему же тогда, сидя на диване в окружении подруг и книг, я чувствовала, что тишина эта не спасение, а медленная смерть? И что шум, от которого я сбежала, был единственным звуком, заставившим моё сердце биться по-настоящему?

Я закрыла книгу.

— Ань, — сказала я. — Ты говорила, у тебя есть все сезона «Секса в большом городе»?

— Есть, — она удивлённо подняла брови. — Но ты же говорила, что это «вульгарщина»?

— Я передумала, — ответила я, вытирая остатки слёз. — Наверное, пришло время учиться.

Мы включили сериал. Я смотрела на экран, где женщины в дорогих туфлях обсуждали мужчин, секс и отношения, и чувствовала, что перехожу в новый, неизведанный класс. Тот, в котором нет принцев. Тот, в котором есть только люди. Со своими правилами, своими шумами и своей тишиной.

Марк был шумом. А я была тишиной.

Но, как известно из физики, тишина — это просто отсутствие звука. А шум — это энергия. И если эти две субстан-

ции встречаются, они не уничтожают друг друга. Они создают что-то третье. Что-то, чего не было раньше.

Вопрос был только в том, готов ли я, тихий филолог в огромных очках, к этой новой формуле.

Я сняла очки, протёрла их и снова надела. Мир стал чётче. Но это не помогло. Потому что проблема была не в зрении. Проблема была в страхе. А страх, как известно, не лечится очками.

Глава 5

Милота умерла. Я лично присутствовала при её агонии в субботу вечером, когда стояла у своей двери, слушала шаги Марка, уходящие наверх, и чувствовала, как внутри меня что-то перегорает. Не любовь, ибо любовь оказалась живой, как сорняк. Перегорела вера в то, что доброта — это валюта, которую принимают в любом мире.

Я просидела с подругами до двух ночи. Мы смотрели «Секс в большом городе», и я делала вид, что мне интересно, хотя на самом деле прислушивалась к каждому звуку сверху. Музыка стихла около часа ночи. Потом были шаги, мужские и женские, смех, звук закрывающейся двери. Кто-то ушёл. Или несколько человек. Я не стала считать. Считать — значит признавать, что мне не всё равно.

— Лен, — Аня уже стояла в куртке, Катя ждала её в коридоре. — Ты уверена, что не хочешь, чтобы мы остались?

— Уверена, — я выдавила улыбку, которая, наверное, напоминала оскал мёртвой рыбы. — Завтра у вас дела. А у меня... у меня будет разговор с самой собой.

— Не натвори глупостей, — строго сказала Катя. — И не слушай его музыку. Затыкай уши ватой.

— Я филолог, — напомнила я. — Я предпочитаю вате книги. Они толще.

Мы обнялись, и они ушли. Я осталась одна в пустой квар-

тире, где родительская спальня зияла тёмным проёмом, а кухня пахла остывшей пищей. Я прошла на кухню, налила себе чай, села за стол и уставилась в одну точку на стене.

Ровно в этой точке, если верить строительным чертежам, проходит вентиляционная шахта, соединяющая нашу квартиру с квартирой Марка. Я знала это, потому что однажды, когда музыка была особенно громкой, папа стучал по стене в надежде, что сосед сверху услышит. Сосед не услышал. Или услышал, но не понял. Или понял, но не захотел понимать.

«Ты слишком напряжена», — сказал он. «Расслабься».

Я представила его лицо в тот момент. Не злое. Не насмешливое. Оно было... снисходительным. Как у взрослого, который объясняет ребёнку, что Санта-Клауса не существует. «Расслабься, девочка. Это просто жизнь. В ней нет твоих дурацких правил».

Я допила чай, поставила кружку в раковину и пошла в свою комнату. Гипсовый Пушкин смотрел на меня с верхней полки, и в его безжизненных глазах мне чудилось осуждение.

— Что ты на меня смотришь? — спросила я его шёпотом. — Ты вообще стрелялся из-за женщины. Ты не авторитет в вопросах душевного равновесия.

Пушкин молчал. Он всегда молчал, когда был нужен.

Я легла в кровать, натянула одеяло до подбородка и уставилась в потолок. Там, за бетоном, спал Марк. Один или с кем-то, я не знала и старалась не думать. Не думать у меня не получалось. Воображение, мой верный союзник в мире книг,

превратилось в предателя. Оно рисовало картины: его руки, его улыбка, та девушка в коротких шортах, которая называла мой свитер «ретро».

— Хватит, — сказала я вслух. — Хватит быть милой. Милота не работает.

Я перевернулась на бок и закрыла глаза. В голове созревала мысль, которая ещё вчера показалась бы мне чудовищной. Мысль о том, что если доброта не помогает, нужно пробовать другие методы. Те, которые прописаны в законах, причём буквально.

Утром в воскресенье я проснулась с железобетонным решением. Я напишу заявление участковому.

Родители должны были вернуться с дачи только вечером, так что у меня был целый день, чтобы совершить этот акт гражданской сознательности. Я села за стол, открыла ноутбук и нашла в интернете образец заявления на соседей, нарушающих тишину.

Писать заявление оказалось сложнее, чем я думала. Я, филолог, человек, который на спор может написать сочинение о роли подтекста в романах Достоевского на десять страниц, застряла на фразе «Я, Лена Сергеевна...»

Потому что дальше нужно было писать правду. А правда заключалась в том, что меня бесила не столько музыка, сколько его существование. Его способность быть таким... ярким. Таким громким. Таким живым. И при этом не замечать, что под ним живёт девушка, которая готова была от-

дать всё, чтобы он просто посмотрел на неё так, как смотрел в лифте. Тем взглядом, который видел.

Но в заявлении участковому такие формулировки не принимают.

Я написала сухо, по факту: «Марк, проживающий по адресу... систематически нарушает тишину в ночное время, включает музыку на высокой громкости, проводит шумные мероприятия, что мешает отдыху моей семьи и создаёт дискомфортные условия для проживания».

Я перечитала текст три раза. Он был идеальным. Казённым, сухим, безэмоциональным. В нём не было ни слова про его татуировки, про его улыбку, про то, как я засыпала под звук его шагов, представляя, что он идёт ко мне. Только факты. Только буква закона.

Я распечатала заявление, положила его в чистый файл и отправилась к участковому.

Участковый пункт находился в соседнем доме, в полуподвальном помещении с решётками на окнах. Пахло там хлоркой, старой бумагой и безнадёгой. За столом сидел мужчина лет пятидесяти с лицом человека, который видел в этом подъезде всё: от пьяных драк до семейных скандалов с вызовом ОМОНа.

— Здравствуйте, — сказала я, протягивая заявление. — Я хочу пожаловаться на соседа сверху. Он шумит по ночам. Устраивает вечеринки. Музыка очень громкая.

Участковый взял заявление, надел очки (у него тоже были

очки, только не такие огромные, как у меня, а маленькие, круглые, которые делали его похожим на учителя физики) и прочитал текст. Потом снял очки, посмотрел на меня поверх них и спросил:

— Девушка, а вы пробовали разговаривать?

— Пробовала, — сказала я. — Он сказал, что я слишком напряжена, и предложил расслабиться.

Участковый хмыкнул. В этом хмыке было что-то такое, от чего мне захотелось провалиться сквозь пол в кабинет этажом ниже.

— Ну, — он взял ручку и что-то пометил в заявлении. — Проверим. Как фамилия?

— Я не знаю фамилию, — призналась я. — Знаю только имя. Марк.

— Марк, — участковый записал. — Иностранец?

— Нет, вроде русский. Просто имя такое.

— Ну, Марк так Марк, — он сложил заявление в папку. — На днях схожу, проведу беседу.

— Спасибо, — сказала я и вышла.

На улице было солнечно. Сентябрь выдавал последние тёплые дни, и воздух пах яблоками и уходящим летом. Я шла домой и чувствовала себя... гадко. Не потому, что я пожаловалась. А потому, что я была уверена: ничего не изменится. Участковый придёт, скажет «не шумите», Марк сделает вид, что всё понял, и через день всё вернётся на круги своя. Так работала система. Так работала жизнь.

Но я ошиблась. Система сработала быстрее, чем я ожидала.

Глава 6

Участковый пришёл во вторник вечером. Я узнала об этом, потому что сидела на кухне и делала домашнее задание по старославянскому языку, когда сверху раздались шаги. Не обычные, тяжёлые шаги Марка, а чужие, осторожные, с характерным цоканьем форменной обуви по кафелю в прихожей.

Я замерла. Родители были дома: папа смотрел телевизор в зале, мама готовила ужин. Я сделала вид, что погружена в учебник, но на самом деле я вслушивалась в каждый звук сверху, как радистка, ждущая сигнала.

Шаги стихли. Потом я услышала голоса. Голос участкового, такой официальный, немного усталый. И голос Марка.

Марк говорил спокойно, ровно, с лёгкой ноткой удивления. Я не разбирала слов, но чувствовала интонацию: он не спорил, не оправдывался, он просто... объяснял. Как взрослый объясняет учителю, что домашнее задание съела собака, и учитель верит, потому что не хочет вникать.

Разговор длился минут десять. Потом шаги участкового снова прошлёпали к выходу, дверь закрылась, и наступила тишина.

Я выдохнула. Не знаю, чего я ожидала, может быть, чувства выполненного долга, может быть, удовлетворения от того, что закон восторжествовал. Вместо этого я чувствовала

пустоту. И ещё какое-то странное, подленькое ощущение, что я сделала что-то нехорошее. Что я нарушила негласное правило взрослого мира: разбирайся сам, не зови дядей с погонами.

Я прогнала эту мысль. Я имела право на тишину. Я имела право спать по ночам. Я имела право...

Мои мысли прервал стук в дверь.

Три удара. Коротких, уверенных. Я узнала бы этот стук из тысячи. Это был он.

— Я открою, — сказала мама, вытирая руки о полотенце.

— Нет! — я вскочила так резко, что стул упал. — Я сама.

Мама удивлённо посмотрела на меня, но ничего не сказала. Я вышла в коридор, глубоко вздохнула, поправила очки, которые, как назло, снова сползли на нос, и открыла дверь.

Марк стоял на площадке. На нём был костюм.

Я не сразу это осознала, потому что мой мозг, привыкший видеть его в футболках и толстовках, отказался обрабатывать новую информацию. Тёмно-синий пиджак, сидящий идеально, как вторая кожа. Белая рубашка, расстёгнутая на верхнюю пуговицу. Брюки. Туфли. Он выглядел так, будто сошёл с обложки журнала для мужчин, которые знают, что такое стиль. Или с сайта, где мужчины знают, что такое...

Я оборвала эту мысль на полпути.

— Лена, — сказал он, и его голос звучал спокойно, даже вежливо. — Привет.

— Привет, — выдавила я.

— Можно войти? — он сделал шаг вперёд, и я инстинктивно отступила, впуская его в коридор.

Он вошёл. В нашей маленькой прихожей, пахнувшей борщом и мамиными духами, он выглядел так же неуместно, как космический корабль в деревенском сарае. Его плечи почти касались стен, его рост делал потолок визуально ниже. Он огляделся с вежливым любопытством, задержал взгляд на моих кедах, стоящих у порога, и чуть заметно улыбнулся.

— Классные, — сказал он. — Не снимаешь?

— Это мои тапки, — буркнула я.

Из кухни выглянула мама. Увидела Марка, и её лицо вытянулось. Папа, услышав голоса, тоже вышел из залы. Семейный совет в сборе.

— Здравствуйте, — Марк кивнул родителям с такой естественной уверенностью, будто он был здесь своим. — Я ваш сосед сверху. Марк.

— Очень приятно, — мама нашлась первой. Она всегда умела сохранять лицо в неловких ситуациях. — А что случилось?

— Да так, — Марк посмотрел на меня, и в его взгляде мелькнуло что-то, отчего у меня похолодели кончики пальцев. — Лена написала на меня заявление участковому. За шум. Вот, пришёл познакомиться. Поговорить.

Тишина в коридоре стала такой плотной, что её можно было резать ножом для масла.

— Лена, — голос мамы был напряжённым. — Ты написа-

ла заявление?

— Я... да, — я почувствовала, как щёки заливает краской. — Он шумит по ночам. Музыка. Вечеринки. Я просила...

— А участковый, — перебил меня Марк, и в его голосе появилась лёгкая, едва уловимая насмешка, — пришёл, проверил. У меня, говорит, тихий вечер. Я слушал классическую музыку. Вивальди. «Времена года». Вы любите Вивальди?

Он смотрел на меня. Я смотрела на него. Классическая музыка. Вивальди. В его квартире, где пару дней назад полыхала вечеринка с полуголыми девочками и бутылками пива, сейчас звучал Вивальди. Я знала, что это ложь. Но я не могла это доказать.

— Участковый сказал, — продолжил Марк, поворачиваясь к моему отцу, — что претензий нет. Всё в рамках. Но Лена, видимо, очень чувствительная. Я понимаю. Молодые девушки, нервы.

Он сказал это так, будто защищал меня. Будто я была капризным ребёнком, которого нужно пожалеть, но не принимать всерьёз. Мои родители смотрели на него с неловким сочувствием. На лице папы я прочитала знакомое выражение: «Господи, какая же у нас дочь странная».

— Лена, — папа вздохнул. — Ну зачем ты сразу с заявлением? Можно же было поговорить по-человечески.

— Я говорила! — воскликнула я, чувствуя, как внутри

закипает злость. — Я говорила! Он сказал, что я слишком напряжена!

— Ну вот видите, — Марк развёл руками, и этот жест был таким открытым, таким искренним, что я почти поверила в его невиновность. — Я же не со зла. Просто у меня работа такая — иногда нужно шумно. Но я стараюсь. Честно.

Он посмотрел на меня, и в его глазах я увидела торжество. Не злое, нет. Он не наслаждался моим унижением. Он просто... играл. И выигрывал. Потому что у него были правила, которых я не знала. А у меня были только книги.

— Ну что, — он снова повернулся к родителям. — Извините, если что не так. Будем дружить.

Он протянул руку папе. Папа пожал. Потом маме. Мама пожала, глядя на него с лёгким румянцем на щеках (даже мама не устояла, подумала я с горечью). Потом он посмотрел на меня.

— Лена, — сказал он, и его голос стал мягче. — Не обижайся. В следующий раз просто скажи. Без участковых. Договорились?

Я молчала. Я не могла говорить, потому что если бы открыла рот, из него вылетело бы всё: и про вечеринку, и про девушек, и про его снисходительную улыбку, и про то, как я плакала в подушку, слушая его шаги. И про то, что я люблю его. Люблю так глупо и безнадёжно, что готова даже на эту войну, лишь бы он продолжал на меня смотреть.

— Договорились, — выдавила я.

— Отлично, — он улыбнулся. — Тогда я пойду. Спокойной ночи.

Он вышел. Дверь закрылась. Я осталась стоять в коридоре, чувствуя на себе взгляды родителей.

— Лена, — начала мама. — Ты бы действительно... ну, не с заявлениями. Он же нормальный парень. Вежливый. В костюме. Не какой-нибудь...

— Он порноактёр, — сказала я.

Тишина. Теперь она была другой. Не плотной, а взрывоопасной.

— Что ты сейчас сказала? Я не ослышался? — папа переспросил.

— Ничего, — я развернулась и ушла в свою комнату, закрыв дверь.

Я сидела на кровати, сжимая в руках подушку, и чувствовала, как слёзы душат меня. Я сказала это, чтобы сделать больно им. Или себе. Чтобы разрушить тот образ идеального соседа, который Марк так ловко создал за десять минут. Но вместо облегчения я почувствовала только пустоту.

— Он выиграл, — прошептала я в подушку. — Он выиграл этот раунд.

Глава 7

Но война, как известно, состоит не из одного раунда.

На следующее утро я вышла из подъезда в универ. Настроение было ниже плинтуса. Я переживала не столько из-за проигрыша, сколько из-за того, что родители теперь смотрели на меня с тревогой и непониманием. «Порноактёр», — повторила мама за завтраком, и в её голосе было столько ужаса, будто я сказала, что сосед сверху не кто иной, как серийный убийца. Папа молчал, но его молчание было красноречивее любых слов.

Я вышла на улицу, надела наушники, включила музыку погромче и зашагала к остановке. И не заметила, как из-за угла вышел Марк.

Он был в обычной одежде — джинсы, чёрная футболка, кожаная куртка. Сигарета в зубах. Увидел меня, и его лицо расплылось в улыбке. Той самой снисходительной, ленивой.

— Лена! — заорал он так громко, что я подпрыгнула, выдернула наушники и чуть не выронила телефон.

— Что? — я оглянулась по сторонам. Люди на остановке обернулись.

— Как дела? — спросил он, подходя ближе. Его голос был неестественно громким, как будто он разговаривал с тугухим дедушкой, а не со мной. — Спишь нормально? Или опять музыка мешает?

— Ты... — я начала, но он перебил.

— А то я вчера специально потише сделал. Чтобы наша Леночка не нервничала. А то она у нас чувствительная, сразу к участковому бежит.

Он говорил громко. Очень громко. Люди на остановке уже не просто косились, а откровенно слушали. Я чувствовала, как мои щёки заливаются краской, и ненавидела себя за эту реакцию.

— Марк, — прошипела я. — Ты специально?

— Что специально? — он притворился удивлённым. — Я просто интересуюсь. Мы же соседи. Должны же мы как-то общаться? Или ты только через участкового?

Он улыбнулся. Я хотела сказать что-то резкое, но язык снова прилип к нёбу. В моей голове, как всегда в его присутствии, включился режим «аварийной остановки». Я развернулась и пошла прочь, даже не глядя на автобус.

— Лена! — крикнул он мне вслед. — Не обижайся! Я же по-доброму!

Я ускорила шаг. Сердце колотилось где-то в горле, и я слышала его смех, негромкий, добродушный, который почему-то ранил сильнее, чем любое злое слово.

Это было началом. Марк объявил мне войну, и его оружием была вежливость.

Он начал здороваться со мной каждый раз, когда мы встречались. Не просто «привет», а громко, на весь подъезд, с интонацией лучшего друга, которого не видел сто лет. «Ле-

ня! Привет! Как жизнь?» — кричал он, когда я выходила из квартиры, а он стоял на лестничной клетке и разговаривал по телефону. Соседка с первого этажа, баба Зина, уже начала подозревать, что у нас с Марком роман.

— Ох, Леночка, — сказала она вчера, встретив меня в лифте. — А парень-то у тебя какой видный! Сосед, говорят? Молодец, что не упускаешь.

— Он не мой парень, — выдавила я.

— Ага, — баба Зина подмигнула. — Я тоже так раньше говорила.

Самое ужасное случилось в пятницу вечером. Родители были дома, мы ужинали на кухне, когда в дверь постучали. Я открыла, и на пороге стоял Марк с бутылкой вина в руке. В джинсах, в белой рубашке с закатанными рукавами, свежесбритый. Он выглядел как идеальный зять, которого мечтает заполучить любая мать.

— Здравствуйте, — сказал он, обращаясь к моим родителям поверх моей головы. — Извините, что без приглашения. Просто хотел загладить вину. Лена на меня обиделась, а я не хочу ссориться с соседями.

Он протянул вино маме. Мама, которая за полчаса до этого говорила папе, что «этот парень явно что-то скрывает», взяла бутылку с улыбкой, которая могла растопить Антарктиду.

— Ой, не стоило, — сказала она. — Проходите. Лена, пригласи молодого человека.

— Мама, — начала я, но Марк уже вошёл.

Он сел на кухне, как старый знакомый. Рассказывал папе про автомобили (откуда он знает про автомобили? он же порноактёр!). Обсуждал с мамой рецепт борща (она ему сказала свой фирменный, с секретным ингредиентом). Онпил чай с вареньем, улыбался и был таким обаятельным, таким правильным, что я чувствовала себя сумасшедшей.

А потом, когда папа вышел в коридор, чтобы ответить на звонок, а мама отвернулась к плите, Марк посмотрел на меня. В упор. И сказал тихо, чтобы никто не слышал:

— Ну что, Лена? Опять будешь на меня стучать?

Его голос был мягким, почти ласковым. Но в глазах плясали чёртики. Он знал, что я ничего не могу сделать. Что я сижу на кухне, в своём дурацком свитере, с очками на носу, а он пьёт чай с моей мамой и держит меня за дуру.

— Не буду, — сказала я.

— Вот и умница, — он улыбнулся и громко, чтобы слышала мама, добавил: — Спасибо за чай, Елена Петровна. Обязательно приду ещё. Вы очень вкусно готовите.

Когда он ушёл, мама долго смотрела на закрытую дверь, потом повернулась ко мне.

— Лена, — сказала она. — Что ты на него всё время наговариваешь? Такой воспитанный молодой человек. И ухаживает за тобой, между прочим.

— Он не ухаживает, — сквозь зубы процедила я. — Он троллит меня.

— Что значит «троллит»? — не поняла мама.

— Это интернет-термин, — устало сказала я. — Обозначает провокационное поведение с целью вызвать эмоциональную реакцию.

— Ну, значит, нравишься ты ему, — заключила мама с непоколебимой уверенностью. — Мальчишки всегда дразнят тех, кто им нравится.

Я посмотрела на маму. В её глазах была такая искренняя вера в эту простую, детсадовскую логику, что у меня не хватило духу её разубеждать.

— Конечно, мама, — сказала я. — Наверное, так и есть.

Я ушла в свою комнату, закрыла дверь и села на кровать, обхватив колени руками. Наверху, за потолком, снова заиграла музыка. Негромкая, приглушённая. Вивальди. «Времена года». Лето.

Он издевался. Он слушал классику, чтобы показать, что он может быть тихим, когда захочет. Что он просто не хочет.

— Ну что, Лена? — прошептала я в пустоту. — Ты объявила войну. Ты её получила.

И вдруг, посреди всего этого унижения, посреди злости и обиды, я поймала себя на том, что улыбаюсь. Потому что война — это взаимодействие. Это обмен энергией. Это точно не безразличие.

Он мог бы игнорировать меня. Мог бы делать вид, что меня не существует, как делали все в школе. Но он выбрал войну. Он выбрал меня в качестве оппонента. И пусть пока я

проигрывала, но я хотя бы была на поле боя.

— Хорошо, — сказала я, глядя на потолок. — Играем.

Я достала ноутбук, открыла чистый документ и написала заголовок: «Тактика ведения информационной войны с соседом сверху (методом филологической деконструкции)».

Пушкин с полки смотрел на меня с одобрением. Впервые за всю неделю.

— Что, Александр Сергеевич? — я поправила очки. — Думаете, у меня есть шанс?

Пушкин молчал. Но мне показалось, что в его гипсовых глазах мелькнула искра.

Я начала писать план. Пункт первый: перестать краснеть. Пункт второй: научиться говорить в его присутствии. Пункт третий: перестать воспринимать его как персонажа из своих фантазий и начать видеть в нём человека. Обычного, несовершенного, уязвимого.

Потому что война — это не про победу. Война — это про то, чтобы узнать своего противника.

А своего противника я, как выяснилось, совсем не знала.

Глава 8

Война, как и любой литературный жанр, имеет свои законы. Эпическая поэма требует героя, трагедия — жертвы, а комедия — дурака. В нашей с Марком войне я успела побывать во всех трёх ипостасях. Я была героиней, когда поднималась в лифте с разбитым сердцем. Я была жертвой, когда участковый поверил его Вивальди. И я была дурой, когда краснела на кухне под взглядами родителей.

Но дураком быть надоело. Дураком быть унизительно. А я, как выяснилось в процессе войны, обладала одним неоспоримым преимуществом: у меня были верные подруги.

— Ты хочешь сказать, — Аня отложила телефон и посмотрела на меня с выражением, которое я видела только в документальных фильмах о партизанах, — что этот козёл тебя троллит, а ты сидишь и терпишь?

— Я не терплю, — возразила я. — Я разрабатываю стратегию.

— Стратегию? — Катя оторвалась от своего блокнота со стихами. — Ты пишешь план войны в вордовском документе? Лена, это же не книга.

— Всё книга, — сказала я с убеждённостью человека, который прочитал слишком много книг и теперь не отличает реальность от художественной литературы. — Просто у некоторых книг жанр — тихий роман, а у моей — триллер.

Мы сидели в моей комнате в субботу днём. Родители уехали к бабушке, и квартира принадлежала нам — трём филологиням, вооружившимся чипсами, колой и чувством глубокой несправедливости. Наверху было тихо. Марк или спал, или ушёл. Я прислушивалась к потолку с рефлексом, который уже стал физиологическим: тишина — расслабиться, шум — сжаться.

— Лена, — Аня наклонилась ко мне, и в её глазах горел огонь, который я никогда раньше не видела. Обычно Аня была скептиком-наблюдателем, летописцем наших с Катей безумств, а не их участником. Но сейчас она была похожа на инквизитора, который нашёл еретика. — Слушай меня внимательно. Ты говоришь, он устроил сраную вечеринку, когда мы вместе с тобой тихо проводили время?

— Да.

— Ты говоришь, он выставил тебя истеричкой перед участковым?

— Да.

— Ты говоришь, он пришёл к твоим родителям с вином и втирался в доверие?

— Да, всё так. К чему ты это?

— И он знает, что ты на него смотрела? — Аня понизила голос до шёпота. — Ну, там... на сайте?

— Нет, — я почувствовала, как к щекам приливает жар. — Этого он точно не знает. Я надеюсь.

— Значит, он троллит тебя просто так, для удовольствия,

— заключила Аня. — Это оскорбление. Это война на уничтожение. И мы должны ответить.

— Аня, — Катя осторожно коснулась её руки. — Ты предлагаешь что-то сделать? Что-то незаконное?

— Незаконное? — Аня улыбнулась улыбкой, которая делала её похожей на чеширского кота. — Дорогая, я предлагаю законное. Абсолютно законное. В рамках Жилищного кодекса и правил добрососедства.

Она открыла свой рюкзак и достала оттуда блокнот, ручку и... планшет. На планшете была открыта карта нашего дома со схемами коммуникаций.

— Ты что, хакнула городские сети? — спросила я с уважением, которое граничило с благоговением.

— Не хакнула, — Аня пожала плечами. — Просто нашла в открытом доступе. Ты удивишься, сколько информации о твоём доме можно найти, если знать, где искать. Итак, слушайте план.

Она говорила минут двадцать. Я слушала и понимала, что недооценивала свою подругу все эти годы. Аня была не просто продвинутой пользовательницей интернета. Аня была гением саботажа, который по ошибке родился филологом. Её план был элегантен, как уравнение Эйнштейна, и жесток, как любая месть, основанная на знании человеческой психологии.

— Но у нас нет ключа от его щитка, — возразила я, когда она закончила.

— Ключ есть у всех, — Аня достала из кармана обычную скрепку. — Электрические щитки в наших домах запираются на замки, которые открываются любым тонким металлическим предметом. Это не сейфы, Лена. Это иллюзия безопасности.

— Откуда ты... — начала Катя.

— Я жила в общежитии два года, — перебила Аня. — Там, если ты не умеешь открывать щиток, ты не выживешь. Соседи сверху любили смотреть телевизор в три ночи. Я решила проблему за одну неделю.

Я посмотрела на Аню, потом на Катю, потом на потолок. Наверху было тихо. Марк не знал, что внизу, в квартире с гипсовым Пушкиным, трое тихих филологинь разрабатывали операцию, которая могла бы войти в учебники по партизанской войне.

— Что ж, я согласна, — сказала я.

— Я тоже, — неожиданно сказала Катя. — Он обидел Лену. За стихи обижают, а это смертный грех.

Я не писала стихов, но спорить не стала.

Операция началась в среду вечером.

Аня разузнала, что у Марка назначена важная встреча. В его квартиру должны были прийти какие-то люди «по работе». Она не сказала, откуда это знает, но я подозревала, что она либо взломала его аккаунт в социальной сети, либо применила методы агентурной разведки, о которых я даже не догадывалась.

— Сегодня в восемь, — прошептала Аня в трубку. — Я видела, как он закупался в магазине. Вино, мясо, фрукты. Будет приём. Мы должны ударить в самый разгар.

— Аня, это преступление, — сказала я, хотя руки уже дрожали от адреналина.

— Это хулиганство, — поправила она. — Разница огромная. За хулиганство дают штраф. За преступление — срок. Мы будем хулиганами. Или мы будем жертвами. Выбирай.

Я выбрала хулиганство.

В семь вечера мы собрались в подъезде. Катя принесла селедку. Не филе, не кусочки в масле, а целую рыбину, купленную на рынке, пахнущую так, что даже баба Зина, вышедшая вынести мусор, сморщилась и спросила: «Девки, у вас кот в подъезде сдох?»

— Тише, баба Зина, — прошептала Аня. — Мы тут... научный эксперимент проводим. По биологии.

— А-а-а, — баба Зина кивнула с пониманием. — Ну, экспериментируйте. Только потом уберите за собой. Ладно?

Она ушла. Мы остались на лестничной клетке между третьим и четвёртым этажом. Наверху, за дверью квартиры Марка, уже слышались голоса. Мужские, уверенные, с интонациями людей, которые привыкли, что мир вращается вокруг них.

— Сейчас, — Аня достала скрепку и подошла к электрическому щитку на лестничной клетке. Он был старый, ржавый, с облупившейся краской. Аня вставила скрепку в за-

мочную скважину и начала что-то там ковырять с видом профессионального взломщика.

— Ты уверена? — спросила Катя, оглядываясь.

— Уверена, — Аня сделала последнее движение, и замок щёлкнул. Она открыла дверцу, обнажив ряды автоматов с подписанными номерами квартир. — Квартира двадцать пять. Вот он.

Она указала на автомат с надписью «кв. 25». Я смотрела на этот рычажок, и мне казалось, что я смотрю на спусковой крючок. Один щелчок, и его мир погрузится во тьму. Один щелчок, и я перестану быть тихой девочкой в очках.

— Лена, — Аня протянула мне руку. — Ты хочешь сделать это сама?

Я посмотрела на её руку. Потом на автомат. Потом на потолок, из-за которого доносился приглушённый смех Марка. Он смеялся. Ему было весело. Он не знал, что тут, в трёх метрах от него, стояла девушка, которую он превратил в посмешище перед родителями, перед участковым, перед всем миром.

Я взялась за рычажок.

— Прости, Марк, — прошептала я и щёлкнула им вниз.

Сверху раздался коллективный вздох. Потом голоса. Удивлённые, встревоженные. Кто-то спросил: «Что случилось?» Марк ответил что-то неразборчивое, и в его голосе я услышала растерянность. Впервые за всё время.

Я закрыла щиток, и мы с подругами метнулись вниз по

лестнице, прячась в темноте между этажами. Сердце колотилось так, что я чувствовала его вкус на языке — солёный, медный, вкус адреналина.

— Теперь вода, — прошептала Аня. — Водяной вентиль в подвале.

Мы спустились в подвал. Там пахло сыростью, мышами и вечностью. Аня снова применила смекалку, чтобы найти нужный вентиль, который перекрывал воду в стояке, идущем на пятый этаж.

— Он перекроет воду только на его квартиру? — спросила Катя с сомнением.

— Технически — на весь стояк, — Аня пожала плечами. — Но соседей на пятом этаже всего две квартиры. Вторая — баба Маша, она глухая и воду почти не пользуется. Так что не волнуйся.

Затем, выждав несколько томительных минут, и убедившись в том, что на площадке никого нет, мы снова поднялись по лестнице.

— Где селёдка? — спросила я.

— Ах да, сейчас, — Аня достала из пакета рыбину и направилась к вентиляционной решётке, которая выходила в общую шахту. — Это моя гордость. Селёдка в вентиляции — это классика. Запах будет держаться минимум три дня. Его нельзя перебить ничем.

Она просунула рыбину за решётку и аккуратно укрепила её так, чтобы она не упала вниз, а осталась именно на уровне

пятого этажа.

— Всё, — сказала она, вытирая руки. — Теперь бежим.

Мы спустились вниз ровно на один этаж, забежали в квартиру, закрыли дверь и прижались к ней спинами, тяжело дыша.

— Мы это сделали, — сказала я, и в моём голосе звучало изумление.

— Да, мы это сделали, — повторила Катя, и в её глазах горел странный, дикий огонь.

— Это только начало, — сказала Аня, и её улыбка была улыбкой человека, который только что открыл в себе новые, пугающие возможности.

Сверху раздался грохот. Потом крики. Потом звук открывающейся двери и шаги на лестнице. Марк вышел на площадку, потом спустился к щитку. Мы слышали, как он ругается, негромко, сквозь зубы, но каждое слово было пропитано яростью.

— Кто-то вырубил свет, — сказал он кому-то, кто остался в квартире. — И воду перекрыли. Сходите, посмотрите, что с вентилем.

Потом он замолчал. А потом я услышала, как он подошёл к вентиляционной решётке на своей площадке, вдохнул и сказал:

— Вот так чудо! Селёдка. Кто-то сунул в вентиляцию селёдку.

В его голосе не было злости. Там было изумление. Чистое,

детское изумление человека, который только что понял, что мир не вращается вокруг него. Что у мира есть другие законы, другие игроки, другие правила.

Я прижала ладонь ко рту, чтобы не рассмеяться. Смех был истерическим, граничащим с паникой. Мы это сделали. Мы, три тихони, три невидимки, только что разрушили его вечер.

— Лена, — прошептала Аня. — Ты гений.

— Это ты гений, — прошептала я в ответ.

— Нет, — Аня покачала головой. — Ты. Потому что ты заставила нас это сделать. Ты заставила нас поверить, что мы можем что-то изменить.

Я посмотрела на подруг. В их глазах я видела отражение себя, той, которую я не знала. Ту, которая не боится. Ту, которая мстит. Ту, которая не просто читает книги, а пишет свою собственную.

Сверху Марк что-то крикнул своим гостям. Потом хлопнула дверь, после чего наступила тишина.

— Он ушёл? — спросила Катя.

— Не знаю, — я прислушалась. — Вроде да.

Мы просидели в тишине ещё полчаса. Сверху больше не доносилось ни звука. Вечеринка была испорчена. Контракт, может быть, тоже. Я должна была чувствовать удовлетворение. Но вместо этого я чувствовала какую-то странную пустоту.

Потому что война — это не про победу. Война — это про то, чтобы сделать больно. А я не хотела делать ему больно. Я

хотела, чтобы он меня заметил. Чтобы он перестал смеяться. Чтобы он посмотрел на меня так, как в лифте.

Но вместо этого я отключила ему свет и сунула селёдку в вентиляцию.

— Я монстр, — сказала я вслух.

— Нет, — Аня обняла меня. — Ты воин.

Глава 9

На следующее утро я проснулась от звука шагов над головой. Марк вернулся. Я не знала, когда именно, но он был там. Ходил, двигал мебель, что-то бормотал себе под нос.

Я вышла в коридор, чтобы пойти на кухню, и увидела записку, просунутую под дверь.

Бумага была мятая, словно её комкали и разглаживали несколько раз. Почерк явно мужской, размашистый, с резкими углами. Я подняла записку и прочитала:

«Лена. Я знаю, что это ты. Или твои подруги. Я не злюсь. Мне даже смешно. Но если ты хочешь войны, клянусь, ты её получишь. Только запомни: я играю честно. А ты? P.S. Селёдка была гениальна. Где ты её взяла?»

Я перечитала записку три раза. В ней не было злости. Не было угроз. В ней было... уважение? Или мне просто хотелось так думать?

Я спрятала записку в ящик стола, рядом с конспектами по античной литературе. Пушкин смотрел на меня с полки, и в его гипсовых глазах я прочитала одобрение.

— Он сказал, что я гениальна, — прошептала я статуе. — Ну, про селёдку.

Пушкин молчал. Но мне показалось, что он улыбается.

Ответка прилетела через три дня. И она была такой, к которой я не была готова.

Я шла по коридору университета после пары по зарубежной литературе. Мы разбирали «Грозовой перевал», и я всю пару думала о том, что Хитклифф — это тоже история о войне, замаскированная под любовь. Преподаватель сказал, что моя мысль интересная, и поставил пятёрку. Настроение было приподнятое.

Я завернула за угол и замерла.

У окна, прислонившись к подоконнику, стоял Марк. В джинсах, в белой футболке, с лёгкой небритостью, которая делала его похожим на героя фильма, случайно попавшего в наш унылый филологический коридор. А рядом с ним стоял Кирилл.

Кирилл. Тот самый Кирилл. С параллельного потока, с иняза. Высокий, светловолосый, с правильными чертами лица и голосом, который на первом курсе заставил всех девочек нашего факультета забыть о существовании других мужчин. Я смотрела на него ровно одну неделю в сентябре, пока не поняла, что он разговаривает только с теми, у кого есть машина и квартира в центре. После этого я вычеркнула его из своих фантазий, как опечатку из текста.

Но Аня, видимо, успела заметить мой мимолётный интерес. И, наверное, рассказала кому-то. Или Марк узнал как-то иначе. Я не знала. Я знала только то, что они стояли вместе, эти двое, и Марк что-то рассказывал Кириллу, жестикулируя, а Кирилл смеялся.

— Лена! — Марк увидел меня и его лицо расплылось в

улыбке. Той самой — широкой, открытой, которая делала меня уязвимой. — Привет! А мы тут с Кириллом разговариваем. Оказывается, мы вместе в тренажёрку ходим. Представляешь?

Я стояла как вкопанная. Мои ноги отказались двигаться. Моя голова, которая ещё полминуты назад была полна умных мыслей о Хитклиффе, теперь была пуста, как консервная банка.

— Привет, — выдавила я, глядя на Кирилла, который смотрел на меня с лёгким недоумением, будто пытался вспомнить, где он меня видел.

— Это Лена, — представил меня Марк. — Моя соседка. Очень талантливая девушка. Филолог. Она, кстати, тоже тебя знает. Лена, ты же знаешь Кирилла?

Я не хотела отвечать, но и молчать тоже было ошибкой.

— Да, — мой голос прозвучал так, будто я сдавала экзамен, к которому не готовилась. — Мы учимся на параллельных потоках.

— О, — Кирилл кивнул, и в его глазах мелькнуло узнавание. — Точно. Ты та девушка, которая на первом курсе... э-э... выступала на студенческой конференции? Про Достоевского?

Я не выступала на конференции. Я вообще никогда не выступала. Он перепутал меня с кем-то другим. Но я кивнула, потому что это было проще, чем объяснять правду.

— Да, это она, — Марк положил руку на плечо Кирилла с

видом старого друга. — Слушай, Кирилл, у меня в пятницу вечеринка. Приходи. Будет весело.

— Приду, — Кирилл улыбнулся. — С удовольствием.

— И Лена придёт, — Марк посмотрел на меня, и в его глазах я увидела вызов. — Правда, Лена?

Я смотрела на него. На его руку на плече Кирилла. На его улыбку, которая была такой дружелюбной и такой фальшивой одновременно. На его глаза, которые говорили: «Я знаю, что ты сохла по нему. Я знаю всё. И я забрал его себе».

— Приду, — сказала я, и в моём голосе прозвучала сталь, которую я не знала в себе.

— Отлично, — Марк улыбнулся, довольно потирая ладоши. — Тогда увидимся.

Они ушли. Кирилл — на свою пару, Марк — к выходу. Я осталась стоять в коридоре, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Это была не месть за селёдку. Это было не наказание за выключенный свет. Это было что-то более жестокое. Он узнал мою слабость. Он нашёл её, изучил и использовал против меня.

— Как он узнал? — прошептала я, когда Аня подошла ко мне с другой стороны коридора.

— Узнал что? — Аня выглядела встревоженной.

— Про Кирилла, — я повернулась к ней. — Ты говорила ему?

— Нет! — Аня побледнела. — Я никому не говорила. Я вообще забыла, что ты на него смотрела. Это было сто лет

назад.

— Тогда откуда он знает?

Мы переглянулись. В моей голове щёлкнуло. Он не знал. Он не мог знать. Это была случайность. Или... нет. Он просто нашёл симпатичного парня в моём универе, подружился с ним, чтобы позлить меня. Ему не нужно было знать про Кирилла. Ему нужно было просто показать, что он может войти в мой мир и забрать всё, что захочет.

— Он играет со мной, — сказала я. — Как кошка с мышкой.

— Тогда перестань быть мышкой, — Аня схватила меня за плечи. — Сама будь кошкой.

Я посмотрела на неё. Потом на коридор, где исчезли Марк и Кирилл. Потом на свои руки, которые дрожали.

— Я не умею быть кошкой, — прошептала я.

— Научишься, — Аня сжала мои плечи. — Или проигрешь.

Глава 10

Кульминация наступила в пятницу. Не на вечеринке, до неё.

Я возвращалась из магазина. Снова сумка с продуктами, снова тяжёлая, снова впивается в ладони. Я зашла в подъезд, и двери лифта открылись сразу, будто ждали меня. Я вошла, нажала кнопку четвёртого этажа, и двери уже начали закрываться, когда в проём просунулась рука.

Я узнала эту руку. Татуировки, которые я видела на экране и в жизни. Широкие пальцы, которые однажды держали мою ладонь.

Марк вошёл в лифт. Двери закрылись. Мы снова были вдвоём в тесной кабине, как в тот первый раз. Но теперь всё было иначе. В воздухе пахло не древесным одеколоном, а напряжением. Напряжением войны, которая длилась уже месящ.

— Лена, — сказал он, и его голос не был спокойным. В нём было что-то новое — жёсткое, холодное. — Нам нужно поговорить.

— О чём? — я попыталась сделать голос равнодушным, но он дрожал.

— О том, что ты знаешь.

Я посмотрела на него. Его лицо было серьёзным, без тени той ленивой улыбки, к которой я привыкла. В глазах — хо-

лод. Настоящий, зимний холод, от которого у меня побежали мурашки по спине.

— Я не знаю, о чём ты, — сказала я.

— Всё ты знаешь, — он сделал шаг ко мне. Лифт был маленьким, и отступать было некуда. Моя спина упёрлась в зеркальную стену. — Ты знаешь, кто я. Ты знаешь, где ты меня видела. Твоя подруга Аня нашла мои старые видео. Ты думала, я не заметил, как она на меня смотрела? Как ты смотрела на меня в тот день, когда я открыл дверь? Как ты краснеешь каждый раз, когда я рядом?

— Я не... — начала я, но он перебил.

— Не ври, — его голос стал тише, но от этого не менее опасным. — Я работаю в этой сфере четыре года. Я умею читать людей. Я вижу, когда девушка меня узнаёт. Я вижу стыд, я вижу страх, я вижу любопытство. А в тебе я вижу всё это сразу.

Он приблизился. Теперь между нами было не больше полуметра. Я чувствовала запах его кожи, его дыхания. Моё сердце колотилось так, что я боялась, он его услышит.

— Ты думаешь, — продолжил он, и в его голосе появилась насмешка, которая была хуже крика, — что если ты знаешь, где меня видела, то имеешь какую-то власть надо мной? Думаешь, можешь шантажировать меня? Можешь натравить на меня участкового, вырубить свет, перекрыть воду, сунуть селёдку в вентиляцию?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.